

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-12>

УДК 340.1

Attribution
cc by

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВИНА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Михайлина О.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация концепта «вина» в русскоязычном и англоязычном юридических дискурсах через корпус фразеологизмов. С позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики проводится исследование того, как римская и англосаксонская правовые системы влияют на формирование языковой картины мира. На материале текстов судебной практики, юридической публицистики и фразеологических словарей выявляются доминирующие метафорические модели, лежащие в основе юридических идиом. Анализируются культурно-специфические черты вербализации понятия «вина» в условиях двух правовых традиций, включая отличия континентального понимания от англосаксонского. Делается вывод о том, что русская юридическая фразеология отражает морально-оценочный характер концепта «вина», сохраняя связь с категориями совести, раскаяния и искупления, что отличает ее от английской юридической фразеологии, где прагматический и процедурный аспекты имеют первостепенное значение.

Ключевые слова: концепт «вина», юридический дискурс, фразеология, презумпция невиновности, правовая культура, римская правовая система, германская правовая система, лингвокультурология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "WINE" IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY:
LINGUOCULTURAL AND LEGAL ASPECTS

Olga A. Mikhaylina

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the representation of the concept of "guilt" in Russian and English legal discourses through the corpus of phraseological units. From the perspective of linguoculturology and cognitive linguistics, the article explores how the Roman and Anglo-Saxon legal systems influence the formation of the linguistic worldview. Based on the analysis of court cases, legal journalism, and phraseological dictionaries, the article identifies the dominant metaphorical models underlying legal idioms. The article analyzes the cultural-specific features of the verbalization of the concept of "guilt" in the context of two legal traditions, including the differences between the continental and Anglo-Saxon approaches. The authors conclude that Russian legal phraseology reflects the moral and evaluative nature of the concept of "guilt," maintaining its connection with the categories of conscience, remorse, and redemption, which distinguishes it from English legal phraseology, where the pragmatic and procedural aspects take precedence.

Keywords: concept of "guilt", legal discourse, phraseology, presumption of innocence, legal culture, Roman legal system, German legal system, linguoculturology.

Funding: Independent work.

Введение.

Язык юриспруденции используется для осуществления коммуникации в сфере правоприменения и правового регулирования, в ходе которой важно обеспечивать терминологическую точность и однозначность.

Понятие «вина» занимает ключевую позицию в языке юриспруденции, поскольку установление вины является основанием для наказания в соответствии с буквой закона.

В условиях глобализации правового пространства возникает необходимость понимания специфических смысловых оттенков данного понятия в

двух юридических системах: римской и англосаксонской, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель работы — выявить лингвокультурные особенности репрезентации концепта «вина» в русской и английской юридической фразеологии и определить типичные метафорические модели его осмысления.

Материалом исследования послужили статьи словарей юридических терминов, толковых и фразеологических словарей, публицистические и художественные тексты юридической тематики.

В данной исследовательской работе были использованы следующие методы: концептуальный

анализ, метафорическое моделирование, корпусная верификация, сравнительно-сопоставительный анализ, компонентный анализ.

Обсуждение.

В современной лингвистике термин «концепт» понимается как сложная ментальная структура, которая отражает не только понятийное значение, но и систему культурных оценок и образов, моделей поведения.

Ю.С. Степанов писал: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с.43]. Исследователь подчеркивает, что концепт имеет трехслойную структуру: актуальный слой (существует для всех пользующихся), пассивный слой (актуален лишь для некоторых пользующихся) и этимологический слой (открывается лишь исследователям и исследователями) [12, с.48].

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, в структуре концепта можно выделить понятийный, образный и оценочный слои, которые формируют целостное представление о явлении [11, с. 34].

В рамках рубрикации различных типов дискурса В.И. Карасика юридический дискурс относится к институциональному, который характеризуется трафаретной точностью (нормативной регламентированностью), высокой степенью терминологизации, императивным характером общения и четко определенной ролевой структурой (прокурор, обвиняемый, свидетель и так далее) [7, с. 200, 208; 8, с. 28].

Одновременно, язык юриспруденции не является просто объективным отражением отношений, он активно участвует в конструировании правовой картины мира, задавая границы того, за что можно оправдать или наказать [1; 2; 7].

Концепт «вина» находится на стыке нескольких предметных областей: морали, религии, психологии, этики и права. Однако в юридическом дискурсе концепт «вина» приобретает институциональные черты: он подвергается строгой формализации, кодификации и процедурной верификации. Для наглядности, используя метод компонентного анализа, сравним определение Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) и Большого юридического словаря (БЮС). БТСРЯ: «Проступок, провинность, преступление. Ответственность за такие действия. Причина, источник (чего-либо нежелательного, неблагоприятного)» [9] и БЮС: «Психическое отношение лица к своему противоправному поведению (действию или бездействию) и его последствиям [3].

В различных отраслях права предусмотрены формы вины и их влияние на меру ответственности...» [9]. В БТСРЯ зафиксирована характерная для общеупотребительной лексики многозначность понятия. Компоненты смысла включают следующие семы: действие,

ответственность, причина. Действие имеет отрицательную оценку (проступок, преступление), например, «Скрыть свою вину» — это проступок. Ответственность рассматривается, как необходимость отвечать за следствия действий, например, «Взять вину на себя». Причина является источником негативного результата, например, «Вина дождя», дождь — причина неудачи. В понимании обывателя понятие «вина» размыто между самим действием (актом), ответственностью за него и причиной. Преобладает оценочный компонент (нежелательное, неблагоприятное).

В определении БЮС наблюдается терминологизация понятия с акцентом на юридическую специфику, происходит сужение объема понятия. Вина — исключительно субъективная категория, она отделена от самого деяния (объективной стороны). В семный состав «юридической» вины входит: субъект (вменяемое лицо), сущность (важно не само действие, а отношение к нему), объект (противоправное поведение, последствия), функция (вина определяет меру наказания), формы (умысел, неосторожность).

В быту форма вины обычно не различается.

Юридический термин локализован строго в сфере «психического отношения субъекта к деянию» и отбрасывает семы «причина» и «проступок».

Исторически русская правовая культура формировалась под влиянием православного мировоззрения, идеи соборности и централизованного правопорядка. Это нашло отражение в языковой картине вины, которая представляется как феномен, имеющий не только юридическое, но и духовно-нравственное измерение.

Ю.С. Степанов: «... Когда закон торжествует, когда появляется наказанный преступник, то к концепту «Закон» присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. “Осужденный = несчастный” — вот краткая формулировка этого русского понятия» [12, с. 598].

В русском юридическом дискурсе вина сохраняет онтологический статус, который связан с внутренней ответственностью перед обществом и совестью. «Прежде всего, закону формальному, юридическому, противостоит правда — внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть» [12, с. 598].

В англосаксонской правовой культуре (common law) особое значение имеет прецедент и состязательность. Ключевой принцип этой культуры — stare decisis (латинское «стоять на своем»); это значит, что суды обязаны следовать решениям вышестоящих судов по аналогичным делам. Это наложило отпечаток и на язык юриспруденции. Вина в англосаксонском праве — это не внутреннее состояние души, это результат доказательства и неопровержимых фактов (to cross-examine, case law, proof beyond a reasonable doubt).

Следовательно, слова и выражения, вербализующие этот концепт, будут ориентированы не на эмоциональные переживания и угрызения совести, а на процесс доказывания, в котором умение пользоваться языком юриспруденции имеет определяющее значение.

П.М. Тирсма о языке в англосаксонском праве: «Наш закон — это закон слов. Хотя в англо-американской традиции существует несколько основных источников права, все они состоят из слов. Мораль или обычай могут быть заложены в поведении человека, но закон — фактически по определению — возникает через язык. Таким образом, юристы уделяют особое внимание словам, которые составляют закон, будь то в форме статуты, нормативных актов или судебного заключения» [13, с.1].

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джнсона постулирует мысль о том, что метафора является не только стилистическим приемом, но прежде всего когнитивным механизмом, позволяющим осмыслить абстрактные домены через конкретные телесно-ориентированные [10, с. 5].

Метафорическое осмысление представляет собой механизм переноса структуры из исходной области (source domain) в целевую область (target domain) [10].

В правовом дискурсе целевой областью выступают абстрактные юридические понятия, в частности «вина», а исходной — конкретные сферы человеческого опыта (пространство, физическое воздействие и так далее).

Фразеологизмы выступают в роли «застывших метафор», которые кристаллизуют устойчивые когнитивные схемы. Фразеологизмы являются стабильным пластом лексики, который хранит информацию об исторических, культурных и правовых традициях общества.

Юридические фразеологизмы — это устойчивые сочетания слов, функционирующие в правовом дискурсе и обладающие специфическим значением, которое может быть полностью или частично мотивировано [15, 16]. Их преимущество как материала для метафорического анализа заключается в:

- устойчивости (фразеологизмы фиксируют устоявшиеся модели концептуализации права);
- культурной маркированности (они отражают национально-специфические представления о праве);
- компактности (в сжатой форме содержат сложную метафорическую модель) [14].

Основываясь на тезаурусной модели представления лексического состава языка (П.М. Роже) и теории поля (В. Порциг) исследуемые фразеологические единицы (ФЕ) были разбиты на тематические группы.

Группа «установление и доказывание вины» включает ФЕ, описывающие процесс признания и доказывания вины. Они описывают не сам факт совер-

шения преступления, а юридическую процедуру подтверждения этого факта и распределение ответственности за доказывание между сторонами процесса.

Центральным элементом этой группы является *принцип презумпции невиновности/ presumption of innocence/ innocent until proven guilty*, который задает сходную точку отчета: любое лицо считается невиновным до тех пор, пока обратное не будет подтверждено в установленном законом порядке. Из этого принципа вытекает правило о *бремени доказывания/ the burden of proof*: обязанность собрать и представить убедительные доказательства («груз» ответственности) полностью возлагается на сторону обвинения, тогда как обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Логика развития процесса отражена в противопоставлении двух итоговых состояний: *вина доказана/ guilt has been proven/ established, to be found guilty, to meet the burden of proof* — положительный результат работы обвинения, когда совокупность улик позволяет суду сделать однозначный вывод о причастности лица к преступлению; *вина не установлена/ guilt has not been proven/ established, to be acquitted* — ситуация, когда предоставленных доказательств недостаточно для вывода о виновности.

Ключевым гарантом справедливости в этой системе выступает правило *сомнения толкуются в пользу обвиняемого/ beyond a reasonable doubt*. Оно означает, что любая неустранимая неясность трактуется в пользу подозреваемого, что ведет к прекращению дела или вынесению оправдательного приговора.

В основе данной группы лежит следующая концептуальная метафора: процессуальная обязанность и доказывание — *это время (физическая тяжесть/ груз)*. Исходной областью выступает физический опыт (перенос тяжестей, вес, нагрузка, усталость, распределение груза), целевой областью — юридическая процедура (обязанность собирать доказательства, ответственность сторон, результат процесса). Абстрактная процессуальная обязанность осмысливается как материальный груз, который необходимо «нести», «перемещать», «распределять». Во фразеологизмах *бремя доказывания вины/ the burden of proof* обязанность обвинения концептуализируется как тяжелый груз, который процессуально возлагается на одну из сторон. Далее, во фразеологизмах *вина доказана, вина не установлена/ guilt has been or not been proven/ established, has been or not been found guilty* отражается состояние «груза». Если доказательства собраны: проблема, воспринимаемая как время, успешно решена, то вина зафиксирована. Если доказательств недостаточно, то «груз не сдвинут», факт не установлен. *Сомнения толкуются в пользу обвиняемого/ beyond a reasonable doubt/ benefit of the doubt* — здесь реализуется метафора неуравновешенности: если «вес» доказательств недостаточен, чаша весов склоняется в пользу защиты, а «груз» вины не может быть возложен на подсудимого, то есть существует определенный защитный барьер.

Презумпция невиновности/ the presumption of innocence — задают исходную «нулевую точку» баланса: обвиняемый изначально свободен от «груза» вины, пока сторона обвинения не перенесет его через систему доказательств.

В этой тематической группе присутствует смежная модель: *судебный процесс — это взвешивание/ измерение*. Она тесно переплетается с моделью *бремени*. В правовом дискурсе доказывание часто концептуализируется как взвешивание аргументов на весах правосудия, где *бремя* доказывания то, что должно перевесить сомнения. Отсюда глаголы *установить, доказать, истолковать, proven, established, to be found, to be acquitted, to find, to stand, to make out, to sor*.

На уровне когнитивно-коммуникативной функции данная метафорическая модель, используя телесный опыт тяжести, делает сложную процессуальную процедуру интуитивно понятной. Метафора подчеркивает, что активная нагрузка лежит (*груз доказательств*) на обвинении, а защита изначально находится в состоянии «разгрузки» (*презумпция невиновности*).

Группа «*признание и отрицание вины*» в своей основе содержит следующую концептуальную метафору: вина — *это объект, который можно принять, признать или отвергнуть*. В этой метафоре абстрактный правовой статус (виновность) концептуализируется как материальный предмет, подлежащий присвоению, удержанию или отказу, то есть фиксируется баланс процессуальных возможностей через телесно-предметную логику. Исходная область — физическое владение: взятие предмета в руки, признание его своим, перекладывание тяжести на себя, отказ от имущества. Целевая область — юридическое признание или отрицание. Смысл механизма переноса заключается в том, что процессуальный акт признания/ отрицания вины моделируется как физическая манипуляция с объектом: *взять на себя, признать своим, сознаться (обнаружить наличие), отказать (вернуть/ изъять), to take the blame, to acquit, to convict, to spill the beans, to bear the guilt, the weight of evidence*. Реализация во ФЕ осуществляется следующим образом: *взять вину на себя/ to take the blame, to assume responsibility* — прямая проекция физического переноса тяжести, так как ответственность за чужое деяние воспринимается как груз, который ложится на плечи; *признать вину/ to plead guilty, to admit one's guilt* — вина концептуализируется как объект принадлежности, то есть субъект признает, что «объект» (вина) принадлежит ему; *не признавать вины/ to plead not guilty, to deny guilt, to maintain one's innocence* — отказ от атрибуции, то есть субъект отрицает связь между собой и «объектом вины»; *сознаться в вине/ to confess to the crime, to make a confession, to admit culpability* — метафора обнаружения/ раскрытия скрытого объекта, то есть субъект добровольно выносит «вину» из внутреннего пространства в публично-правовое.

Тематическая группа, вербализирующая *степень и характер вины*, базируется на концептуальной метафоре *вина — это векторно-пространственная конфигурация (с направлением, объемом и отклонением)*. Она базируется на переносе пространственно-геометрических параметров на абстрактные категории целевой правовой области. Параметр «направление и отклонение» реализуется через образ прямой или искривленной линии, которая проецируется на характеристику целенаправленности воли субъекта. *Прямая вина/ direct intent, specific intent* — вектор воли совпадает с вектором последствий. *Косвенная вина/ oblique intent, recklessness* — вектор воли отклоняется, что приводит к побочному эффекту траектории. *Умысел и неосторожность/ intent and negligence* — направленность воли против отклонения от должной внимательности. Категория «объема или меры» вины, представлена в исходной области как количественная величина и переносится на степень юридической ответственности. Это дает когнитивное обоснование пропорционального распределения вины. *Совместная вина/ joint liability* — несколько векторов сходятся в одной точке, объем ответственности делится.

Русские термины используют пространственные прилагательные (прямая, косвенная, совместная), что делает метафору геометрически наглядной. В английском правовом дискурсе та же модель вербализуется через реляционные существительные (*intent, negligence, liability, fault*), но когнитивная основа остается той же: ответственность измеряется «направлением воли» и «степенью пересечения действий».

Тематическая группа, которая построена на метафорической модели: *вина — это пятно/ загрязнение*. В этой группе метафора отражает восприятие вины как загрязнения, которое остается на репутации человека.

В русском юридическом и публицистическом дискурсе процесс утраты моральной чистоты описывается через глаголы и существительные, обозначающие загрязнение (*запятнать себя виной, пятно вины, клеймо вины*), тогда как состояние безупречности вербализируется через отрицание этого признака (*незапятнанная репутация*). В русском языке модель имеет более выраженный морально-религиозный оттенок в результате влияния православной традиции и исповеди и искупления. Так же в русском языковой картине мира закрепились и архаичная, но культурно значимая формула *смыть вину кровью*, что придает данной метафоре более выраженный драматический оттенок.

Английский правовой дискурс демонстрирует сходство, вербализуя эту же модель через соответствующую лексику: существительное *stain, (stain of guilt)*, причастие *stained by guilt* и глаголы очищения (*wash away the guilt*). Как и в русском языке, в английском фиксируется метафорический антоним, описывающий идеальное состояние репутации — *un-*

blemished reputation. В этом случае модель тесно связана с социальной стороной. В обществе common law репутация имеет огромное значение, поэтому юридическое оправдание часто формулируется именно как восстановление доброго имени, а не просто констатация факта.

Тематическая группа *вина* — это долг, представляет вину как финансовое обязательство. Это метафора особенно ярко проявляется в гражданском праве, но присутствует и в уголовном (штрафы, компенсации). Виновный становится «должником» общества, наказание — это способ погасить этот долг. Это отражено в следующих ФЕ: *искупить вину, расплатиться за вину, долг перед обществом, понести наказание, отбыть наказание, to pay for one's crimes, to owe a debt to society, to acquit*.

В тематической группе *вина* — болезнь метафора концептуализирует вину как патологическое состояние или физическое страдание, требующие лечения. В английском правовом дискурсе модель чаще используется в психолого-правовом контексте. В русском — публицистическом и литературном описании судебных процессов.

В обеих языковых системах вина наделяется свойствами медицинского недуга через соответствующую терминологию: в русском дискурсе это *болезненное чувство вины и симптом вины*, в английском — *pathological guilt* и *symptom of guilt*. Особой экспрессивностью обеих традиций отличается метафора, описывающая эмоциональное страдание как физическую боль: русское *грызущая вина* имеет точный смысловой эквивалент в английском *gnawing guilt*, где мучения совести уподобляются грызущей, не проходящей телесной боли.

Результаты.

Проведенный сравнительный анализ метафорических моделей концепта *вина* в русском и английском юридических дискурсах позволяет сформулировать ряд выводов о когнитивных и культурных основаниях правового мышления. Полученные в ходе исследования количественные данные показывают следующее распределение метафорических моделей в корпусе фразеологизмов: доминирующее положение занимает модель *вина — это объект* (очень высокая частотность), за которой следует модель *вина — это груз* (высокая частотность), модели *вина — это пятно* и *вина — это долг* (средняя частотность), и наименее продуктивной оказывается модель *вина — это болезнь* (низкая частотность).

Все выявленные метафорические модели присутствуют в обоих языках, что подтверждает теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона об универсальности концептуальных метафор, основанных на телесном и сенсорном опыте человека [10; 14]. Носители русского и английского языков осмысливают абстрактное понятие вины через одни и те же исходные области: физическую тяжесть, векторно-пространствен-

ную конфигурацию, загрязнение, финансовое обязательство, патологическое состояние и материальный объект, что обусловлено общностью человеческой природы и базовых форм взаимодействия с миром.

Вместе с тем, несмотря на общность концептуальных структур, обнаруживаются различия в способах вербализации смыслов. Русские ФЕ чаще содержат морально-этические компоненты: глаголы *искупить, запятнать, смыть* отсылают к категориям греха, чистоты совести и нравственности.

В английских фразеологизмах наблюдается стремление к использованию к процессуально-прагматической лексики: устойчивые выражения *burden of proof, debt to society, benefit of doubt* акцентируют внимание на процедурных аспектах, распределении обязанностей и институциональных механизмах.

В романской правовой традиции, к которой принадлежит российское право, метафоры вины отражают нормативно-оценочный подход: вина воспринимается прежде всего, как морально-правовая категория, подлежащая качественной оценке (умысел, степень, неосторожность).

В системе common law, характерной для Англии и Америки, метафорический образ смещается в сторону процессуально-доказательной парадигмы: вина концептуализируется через призму стандартов доказывания, распределения бремени доказывания.

Историко-культурные факторы играют важную роль в формировании метафорических моделей.

В корпусе русских метафор центральное место занимают категории покаяния, искупления и духовного очищения, что навеяно православной традицией.

Английские метафоры, напротив, несут след протестантской этики и утилитаристской философии: вина осмысливается как долг, подлежащий погашению.

Заключение.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что метафорические модели концепта *вина* в русском и английском правовых дискурсах представляют собой сложную мозаику, состоящую из универсальных когнитивных структур и культурно-специфических смыслов.

С одной стороны, общность метафорических моделей в обоих языках обусловлена единством телесного опыта, что обеспечивает существование сходных метафорических образов.

С другой, различия в правовых системах, религиозном мировоззрении и философии приводят к существенным расхождениям в способах вербализации моделей.

Понимание этих вопросов имеет существенное значение не только для лингвистики и когнитивной науки, но и для практики юридического перевода, межкультурной коммуникации в правовой сфере и сравнительного правоведения.

Конфликт интересов

Conflict of Interest

Не указан.

None declared.

Рецензия

Review

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Апресян Ю.Д. *Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика* / Ю.Д. Апресян. - М.: Языки русской культуры, 1995. - 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 896 с. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: QROEGR
3. Автор и составитель: Борисов А.Б. *БОЛЬШОЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ*. - М.: Книжный мир, 2010. - 848 с.
4. Ван Дейк Т.А. *Дискурс и власть: Социолингвистические исследования*. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. - 288 с.
5. Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство универсалий человеческого бытия*. - М.: Языки славянской культуры, 2012. - 512 с.
6. Воробьев В.В. *Лингвокультурология: теория и методы*. - М.: Изд-во РУДН, 2008. - 312 с.
7. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
8. Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. - М.: Гнозис, 2013. - 320 с.
9. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция*, 2000. - 1536 с.
10. Лакофф Дж. *Метафоры, которыми мы живем* / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова, А.Н. Кричевской; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с. ISBN: 5-354-00222-2 EDN: QRAADX
11. Попова З.Д., Стернин И. А. *Когнитивная лингвистика*. - М.: Восток-Запад, 2007. - 314 с. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV
12. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. И доп.* - М.: Академический Проект, 2004. - 824 с.
13. Тирсма П.М. *Юридический язык*. - Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1999. - 314 с.
14. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. - 238 с.
15. Черданцев А.Ф. *Язык права и юридическая терминология // Государство и право*. - 2001. - № 5. - С. 5-13. EDN: VDJPAB
16. Шейнин В.М. *Лингвистический анализ юридического текста*. - М.: Юрист, 2001. - 256 с.

References:

1. Апресян Ю.Д. *Selected works: in 2 volumes Vol. 1: Lexical semantics* / Yu.D. Апресян. - М.: Languages of Russian culture, 1995. - 472 p.
2. Arutyunova N.D. *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 896 p. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: QROEGR
3. Author and compiler: Borisov A.B. *BIG LEGAL DICTIONARY*. Moscow: Knizhny Mir, 2010. 848 p.
4. Van Dijk T.A. *Discourse and power: Sociolinguistic studies*. Moscow: House of Intellectual Books, 2003. 288 p.
5. Vezhbitskaya A. *Understanding cultures through the universals of human existence*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. 512 p.
6. Vorobyov V.V. *Linguoculturology: theory and methods*. Moscow: RUDN Publishing House, 2008. 312 p.
7. Karasik V.I. *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
8. Karasik V.I. *The linguistic matrix of culture*. Moscow: Gnosis, 2013. 320c.
9. Kuznetsov S.A. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. Author's edition*, 2000. -1536 p.
10. Lakoff J. *Metaphors that we live by* / J. Lakoff, M. Johnson; translated from English by A.N. Baranov, A.N. Krichevskaya; ed. and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: Unified URSS, 2004. 256 p. ISBN: 5-354-00222-2 EDN: QRAADX
11. Popova Z.D., Stermin I. A. *Cognitive Linguistics*. Moscow: Vostok-Zapad, 2007. 314 p. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV
12. Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd Ed., ispr. And add.* - М.: Academic Project, 2004. - 824 p.
13. Tirsma P.M. *The legal language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 314 p.
14. Chudinov A.P. *Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991-2000)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2001. - 238 p.
15. Cherdantsev A.F. *The language of law and legal terminology // State and law*. - 2001. - No. 5. - pp. 5-13. EDN: VDJPAB
16. Sheinin V.M. *Linguistic analysis of a legal text*. Moscow: Yurist, 2001. 256 p.

Информация об авторе:

Михайлина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского и иностранных языков, Краснодарский университет МВД России, Россия, <https://orcid.org/0009-0008-1258-0416>, mixoa-70@yandex.ru
Olga A. Mikhaylina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.